

Diana Bratuś (Диана Валерьевна Братусь)

Uralski Państwowy Uniwersytet Prawniczy

(Уральский государственный юридический университет)

ПРАВОВЫЕ ПРЕДЕЛЫ СВОБОДЫ ТВОРЧЕСТВА

Творчество Евгения Владимировича Васьковского соприкасается с правом промышленной собственности и авторским правом. Ему принадлежит несколько кратких, но ярких (впрочем, как и все исследования мэтра) работ¹ в этой сфере. Как знать, если бы жизненный путь классика мировой цивилистики трагически не оборвался в Варшаве в мае 1942 года, мы имели бы возможность детальнее ознакомиться с его плодотворными взглядами по интеллектуальным правам.

* * *

Творчество – категория философии, психологии и культуры, выражающая важнейший смысл человеческой деятельности – увеличение многообразия человеческого мира в процессе культурной миграции². Приведенное определение, по нашему мнению, точно демонстрирует глобальную задачу и социокультурный характер творческой деятельности. При этом подразумеваются непеременные условия: наличие юридических механизмов, обеспечивающих защиту результатов творческой деятельности; проведение государственной политики в сфере правовой охраны интеллектуальной собственности.

Ф. Энгельс утверждал: процесс создания объективного права начинается с того, что в сознании законодателя под влиянием определенных жизненных условий возникают те или иные правовые идеи – „юридиче-

¹ Васьковский Е. В. Рец. на: Чернощеков Н. *Очерки промышленной собственности: Право промышленной клиентелы*. – СПб., 1894 // Журнал Министерства Юстиции. 1894–1895. Кн. 8, июль. С. 126–131; Он же. Рец. на: Пиленко А. А. *О новом проекте статей об авторском праве*. – Право. 1899. № 17. С. 857–865; № 18. С. 912–919 // Русские ведомости. 1900. № 10, 60, 66; Он же. Авторское право // Одесские новости. 1899. № 4699. С. 2; Он же. Юридическое положение соавторов // Судебное обозрение. 1904. № 4. С. 75–77.

² Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: Канон-Плюс, Реабилитация, 2009 // http://www.enc-dic.com/enc_epist/Tvorchestvo-710.html.

ские мотивы”³. Эффективным мы считаем такое правовое регулирование общественных отношений по поводу создания и использования творений, которое осуществляется с учетом естественных прав творцов. Основные параметры естественно-правовой модели статуса автора предусмотрены в концепции интеллектуальных прав, закрепленной Гражданским кодексом Российской Федерации (ГК РФ).

Правовые пределы – один из аспектов извечной дискуссии о делении права на объективное и субъективное. В объективном смысле речь идет о системе общеобязательных установлений определенной юрисдикции, в субъективном – о юридически обеспеченных возможностях субъекта⁴. Эта дефиниция давно стала классической: субъективное право есть возможность и обеспеченность законом известного поведения⁵. Действия⁶, осуществляемые за пределами правомерного поведения, признаются недопустимыми и, как правило, влекут применение юридических санкций.

„Разрешено все, что не запрещено законом”. Как это фундаментальное начало соотносится с принципом свободы творчества? Где они – правовые пределы свободы творчества? В чем проявляются? Могут ли быть у свободы творчества какие-либо пределы? И если они возникают, то не прекращается ли вместе с их появлением свобода творчества? Поиск ответов на эти вопросы представляется логичным и целесообразным в сфере авторского права, главным образом посредством сопоставления частного и публичного интересов – автора, с одной стороны, общества и государства, с другой.

Распространено мнение о том, что публичный интерес всегда доминирует над частным. Мы считаем, это мнение ошибочным. Там, где стремление доминировать, переходит разумную грань (например, посягает на естественные права), возникает конфликт.

И. А. Покровский отметил: „еще римские юристы говорили, что ... гражданское право имеет в виду ... интересы отдельного человека. Таким образом, отдельный, конкретный, живой человек составляет конечную цель ... всего гражданского права, ибо только живой человек может страдать и радоваться, может иметь интересы”⁷.

Публичный интерес всегда стремиться главенствовать, охватывать собою и подчинять своему влиянию все прочие области человеческой

³ Цит. по: Матусов Н. И. *К делению права на объективное и субъективное* // Правоведение. 1971. № 2. С. 107.

⁴ Бабун Р. *Общее учение о праве и государстве*. – Киев, 1925. С. 114.

⁵ Братусь С. Н. *Субъекты гражданского права*. – М.: Госюриздат, 1950. С. 11.

⁶ Мы говорим о творческом процессе, поэтому бездействие как одну из граней поведения не рассматриваем.

⁷ Покровский И. А. *Абстрактный и конкретный человек перед лицом гражданского права* // Вестник гражданского права. 1913. № 4. С. 32. См. доп.: Гонгалло Б. М. *Есть только одна отрасль права...* // Юрист. 2009. № 2. С. 5–12.

жизнедеятельности. С этим сложно спорить. Однако это устремление сталкивается с естественными преградами. Возьмем, например, личные неимущественные авторские права (моральные права). Публичные элементы здесь вторичны.

Международное законодательство, наднациональная правоприменительная практика решительно включают моральные права в категорию „права человека”, наделяют их значением *jus cogens* и, тем самым, формируют для них особый, конститутивный правовой режим.

Согласно ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. *jus cogens* – норма, „которая принимается и признаётся международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер”⁸. В широком смысле *jus cogens* – любая императивная норма. Всякое пренебрежение или злоупотребление императивными предписаниями, малейшее отклонение от них влечет ничтожность действий государства-нарушителя. Проведем прямую аналогию: никакое ущемление моральных прав не допускается, ни в малейшей степени. Их социальная ценность заключается в том, что они определяют фактическую роль и правовое положение автора в обществе, следовательно, и уровень развития самого общества⁹. Здесь вне зависимости от юридических нюансов применим тезис И. Канта: „право человека должно считаться священным, каких бы жертв ни стоило это государственной власти”¹⁰. Неразрывная связь моральных прав с личностью творца позволяет взглянуть на него в новом свете – через призму гуманитарных достижений современной цивилизации, в контексте воплощения этих достижений в интеллектуальном праве.

Для древнего общества тотальное попрание личности – совершенно нормальное явление. Например, рабство – способ экономического существования; физическое уничтожение или, скажем, „просто” изгнание человека – инструмент утверждения власти (сакральной, религиозной, светской, корпоративной) и т.д. Отрицание всего (свободы как категории) есть отрицание частного (свободы отдельного лица). Казалось бы, дискриминация личности, посягательство на личные права – это предания далекого прошлого, удел общей теории и истории права. Однако, мы по-прежнему наблюдаем

⁸ См. доп.: Талалаев А. Н. *Общепризнанные принципы и нормы международного права* // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 1997. № 3. С. 66–74; Лукашук И. И. *Международное право. Общая часть: учеб. для студентов юр. факультетов и вузов*. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, РАН, 2005. С. 144.

⁹ *Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права.* – 2-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2011. С. 883 (автор главы А. Е. Шерстобитов).

¹⁰ Кант И. *К вечному миру* // Изб. соч. Т. 1. – Калининград, 2005. С. 36.

как во многих странах, в том числе в странах так называемых „передовых экономик” по сей день нивелируются личные права автора.

„И никому не видно, что людей / Морочит тайно демон Асмодей. / Как бредят все освобожденьем, / А вечный спор их, говоря точнее, – / Порабощенья спор с порабощеньем”¹¹.

Конфликт разворачивается на стыке двух противоположностей:

– недопустимость посприяния естественно-правового статуса автора (цензура запрещается, имя автора неприкосновенно, переработка произведения без согласия автора не допускается и т.д.);

– обеспечение социальных гарантий, препятствующих авторскому волюнтаризму (иными словами, любая свобода имеет объективные пределы).

В международном праве личные неимущественные авторские права – неотъемлемый элемент всеобщего принципа свободы творчества (см. п. 2 ст. 27 Всеобщей декларации прав человека, пп. „с” ст. 15 и п. 2 ст. 19 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, п. 1 ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод). В рамках общепринятых международных процедур защита личных неимущественных авторских прав возможна посредством применения принципа „свободы мнений и их выражения”, гарантирующем право на всестороннее культурное и художественное изъяснение, то есть свободную передачу мыслей, мнений, чувств через творчество. Этот принцип положен в основу некоторых других прав человека¹². Формулировки, используемые в отмеченных нормах международного законодательства, различны, суть одна – защита творчества и неотъемлемых прав творцов. Прогрессивное развитие концепции моральных прав в международном праве обеспечивается путем толкования соответствующих норм наднациональными судебными органами. Так, п. 1 ст. 10 Европейской конвенции по правам человека (Европейская конвенция) гласит: „Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ”. По мнению специалистов, распространительное толкование этой нормы охватывает и *свободу художественного выражения*, которая пользуется точно такими же гарантиями и налагает точно такие же ограничения на деятельность государства¹³. Особо подчёркивается, что данное установление применяется

¹¹ Гёте И. В. *Фауст // Он же*. Страдания юного Вертера: роман. Фауст: трагедия. Пер. с нем. Н. Касаткиной, Б. Пастернака. – М.: Эксмо, 2009. С. 418.

¹² См., напр.: Замечания общего порядка № 34. Комитет по правам человека ООН. 102 сессия // CCPR/c/GC/34. 12.09.2011.

¹³ Де Сальвиа М. *Европейская конвенция по правам человека*. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 234.

не только к определенным видам информации, идеям или способам передачи мнения, но в том числе распространяется на художественную и артистическую сторону выражения мнения, на лёгкую музыку, передаваемые по кабельной связи коммерческие телепередачи и т.д.¹⁴. При злоупотреблении правом на свободное выражение мнения лицо, чье право нарушено, может инициировать разбирательство в Европейском суде по правам человека.

Спорную доктрину Европейского суда по применению ст. 10 Европейской конвенции иллюстрирует дело „Мюллер и другие против Швейцарии”¹⁵. В решении по этому делу Европейский суд продемонстрировал весьма широкую трактовку правомерных пределов в действиях государственных властей и подтвердил свою позицию: свобода выражения мнений может быть ограничена в целях защиты общественной нравственности. Результат голосования судей: 6 голосов „за” принятие решения, 1 – „против” (особое мнение судьи Spielmann’a).

Суд постановил: осуждение заявителей (художника и организаторов художественной выставки) за публичный показ картин, признанных непристойными швейцарскими судами, не нарушает свободы слова, гарантируемой ст. 10 Европейской конвенции. Конфискацию картин художника Европейский суд тоже счел адекватной санкцией.

Данная позиция, кроме прочего, обнажает важнейшие грани проблемы защиты прав человека. Стороны подобных споров человек (истец) и государство, суверен (ответчик). Уже в исходной фазе ситуация далека от объективной. Правопорядок создается и совершенствуются во благо человека. Государство обязано гарантировать защиту субъективных прав, свобод и законных интересов. Правовые идеалы декларируются и поддерживаются до того момента, пока само государство не привлекается к ответственности. В этом случае его обязанности, так сказать, *временно нивелируются*: авторитет субъективного (пусть даже естественного) права начинает противопоставляться общественным интересам и, конечно, начинает уступать сакральному авторитету государственной власти. Подобное противопоставление абсолютно не допустимо в сфере защиты основных прав и свобод человека и гражданина. Оно свидетельствует не в пользу логики, справедливости и объективности, в корне противоречит смыслу естественных прав, которые должны квалифицироваться как самостоятельная социокультурная и цивилизационная ценность, а не в сравнении с самобытными интересами и устремлениями того, кто привлекается ответчиком по делу. Считаем важным подметить: общественный и государственный интерес – это не всегда одно и то же. По общему правилу, в силу извечной традиции государство, во-первых, сохраняет за собой монополию на определение и объявление

¹⁴ Там же. С. 234–235.

¹⁵ Muller and Others v. Switzerland, A № 133, решение от 24.05.1988 г.

общественного интереса; во-вторых, по факту своего существования считает себя уполномоченным квалифицировать собственное вмешательство в частные дела в качестве „не произвольного”, а всегда обоснованного.

Европейский суд подтвердил право швейцарских судов: (1) оценивать спорные творения на основании п. 2 ст. 10 Европейской конвенции с точки зрения „необходимой” защиты общественной нравственности; (2) наложить на заявителей штраф за демонстрацию непристойных материалов. К тому же заключению суд пришел и по поводу конфискации картин.

Картины, „пристойность” которых ставилась судами под сомнение, являлись полноценными объектами авторского права. С точки зрения частного права они охранялись от посягательств любых лиц, в том числе государства. Автор выразил свое мнение через легитимную форму самовыражения – творчество как абсолютно-адекватный способ самовыражения. Правовые, или формально-юридические, пределы свободы самовыражения не были нарушены. Решение швейцарских властей в упомянутом прецеденте считаем субъективным, а предпринятые ими меры и соответствующее решение Европейского суда – противоречащими принципам международного права.

Особое мнение – у судьи Spielmann. По мнению судьи, страны-участницы Конвенции должны считаться с относительностью понятия „непристойность”. Судья заявил, что штраф и конфискация – в данном случае неоправданные меры, провел историческую параллель, напомнив о судебном преследовании Г. Флобера (роман „Госпожа Бовари”) и Бодлера (сборник стихов „Цветы зла”) с последующим их оправданием¹⁶.

Европейская комиссия по правам человека в отличие от Европейского суда, пришла в данном случае к иному выводу по вопросу об адекватности конфискации картин. Комиссия посчитала такую административную санкцию серьезным нарушением свободы выражения мнения художника. Конфискация, по мнению Комиссии, воспрепятствовала показу работ как в других регионах Швейцарии, так и за границей. Цель предотвратить широкий показ объектов, вредных, по мнению местной власти, для общественной нравственности, могла быть достигнута с меньшими ограничениями свободы самовыражения Мюллера. Комиссия постановила (11 голосов – „за”, 3 – „против”), что конфискация картин Мюллера не являлась мерой, необходимой в демократическом обществе, и составила нарушение ст. 10 Европейской конвенции.

К сожалению, в правоприменительной практике Европейского суда¹⁷ не выработаны единые подходы к типичным случаям, квалификация

¹⁶ [http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-57487#{„item id”:\[„001-57487”\]}](http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-57487#{„item id”:[„001-57487”]})

¹⁷ См. для ср.: Подборка решений Комитета по правам человека в соответствии с факультативным протоколом. Международный Парк о гражданских и политических пра-

судьями схожих отношений и итоговые судебные вердикты по ним порой кардинально разнятся. Практика Европейского Суда по применению ст. 10 Европейской конвенции воспринимается нами положительно, когда она не политизирована. Политически мотивированные решения вряд ли сочетаются с высокой миссией данной международной структуры. Решения по указанной статье, вынесенные не в пользу автора, в подавляющем большинстве случаев сопровождаются „особым мнением” одного или нескольких судей. Данный факт свидетельствует не только о развитом судебском усмотрении¹⁸ (безусловно), но также о смысловой широте и вариативности оценочных понятий, о „каучуковых” судебных подходах и даже о правовых коллизиях (явных расхождениях судебной практики по типичным спорам, отсутствию стремления выработать единообразный подход).

Осуществление творческой деятельности есть реализация принципа свободы самовыражения. Объект авторского права существует вне зависимости от разного рода субъективных обстоятельств: признание обществом, востребованность, актуальность, соответствие нормам морали и нравственности (или, точнее, текущим, субъективным и даже конъюнктурным представлениям о морали и нравственности). Поэтому, полагаем, если произведение признается объектом авторского права, то есть отвечает основополагающим критериям охраноспособности (творческий характер создания, оригинальность, объективная форма выражения), то любые попытки признания данного объекта якобы противоречащим „общепринятым” нормам являются отголосками „цензуры”.

Роман В. Набокова „Лолита” подвергался жесткой критике, его категорически отказывались печатать, называли „грязнейшей книжонкой”. После публикации романа „Госпожа Бовари” Гюстав Флобер, редактор и два издателя были привлечены к суду за оскорбление общественной морали, суд, однако, вынес оправдательный приговор. Подобных примеров много.

В. Набоков в интервью журналу „Playboy: (1964 г.) сказал: „Произведение искусства ровным счетом никакого значения для общества не имеет. Оно значимо только для отдельного человека, и только отдельный читатель значим для меня. Мне наплевать на группы, сообщества, массы, и тому подобное. ... Нет никакого сомнения в том, что литературное произведение защищено от плесени и ржавчины не его значением для общества, а уров-

вах: Т. 8 (CCPR/C/OP/8), Сессия 75-84, ООН, Нью-Йорк; Женева, 2007; Т. 9 (CCPR/C/OP/9) Сессия 85-91, ООН, Нью-Йорк; Женева, 2008; Freedom of expression in Europe. Case – law concerning. Art. 10 of the European Convention on Human Rights // Human rights files, № 18, Council of Europe Publishing; Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2-х т. Т.1. – М.: Норма, 2000.

¹⁸ См. доп.: Барак А. *Судейское усмотрение*. – М.: Норма, 1999.

нем искусства в нем, и только искусства”¹⁹. Значит, по мнению мэтра, время – главный судья. Подлинный шедевр рано или поздно получит признание, а „серые” творения обречены на забвение.

Выше мы говорили о том, что норма о свободе мнений и их независимом выражении закреплена во многих конститутивных международных договорах, в том числе в ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах. Важной и интересной является практика применения этой статьи Комитетом по правам человека ООН.

„Многие государства в своих докладах ограничиваются упоминанием о том, что свободное выражение своего мнения гарантируется в соответствии с Конституцией или законом. Однако, чтобы познакомиться с конкретным правовым режимом свободного выражения своего мнения, Комитет нуждается в дополнительной соответствующей информации о нормах, которые либо определяют рамки свободного выражения мнения, либо налагают определенные ограничения, а также о любых других условиях, которые на практике влияют на осуществление этого права. Именно взаимосвязь между принципом свободного выражения мнения и такими ограничениями определяет реальные рамки этого индивидуального права”²⁰.

Решения Комитета не имеют обязательной юридической силы, но являются настолько авторитетными, что при вынесении решения в пользу истца, государства-участники обязаны обеспечить лицо, чье право было нарушено эффективным средством правовой защиты в соответствии с пп. „а” ч. 3 ст. 2 Пакта²¹. Четко прослеживается фактически и юридически обоснованная позиция Комитета в сообщениях № 926/2000 Шин против Республики Корея (соображения приняты 16.03.2004 г.), № 1128/2002 Р.М. ди Мораиш против государства Ангола (соображения приняты 29.03.2005 г.).

В области защиты моральных прав авторов (естественных по своей сути) практика Комитета, в целом, представляется обширной, отвечающей принципам независимости и справедливости.

Значение правоприменительной практики авторитетных наднациональных судебных структур сложно переоценить. Эта практика, особенно объективная и справедливая, не политизированная, крайне важна для учета на местном уровне, в том числе при подготовке национальных норматив-

¹⁹ http://modernlib.ru/books/nabokov_vladimir_vladimirovich/intervyu_zhurnalu_playboy_1964/read_1/

²⁰ Международные договоры по правам человека. HRI/GEN/1/Rev.9 (Vol. I). P. 234 // [http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=HRI%2fGEN%2f1%2fRev.9%20\(Vol.%20I\)&Lang=en](http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=HRI%2fGEN%2f1%2fRev.9%20(Vol.%20I)&Lang=en).

²¹ De Zayas A., Möller J. Th. *The United Nations Human Rights Committee Case Law 1977–2008: A Handbook*. N.P. Engel Publishers, Kehl am Rhein, 2009. P. 8 // <http://alfreddezayas.com/books.shtml>.

ных и правоприменительных решений. Кроме того, эта практика сохраняет надежду при исчерпании национальных средств правовой защиты.

Полагаем, многие публично-правовые нарушения моральных прав проистекают из недостаточного четкого понимания их естественно-правовой природы. Их естественные основания часто игнорируются национальным правом²². Как минимум, нелогично отрицание личного неимущественного (авторского) права в условиях повсеместного (в том числе на уровне международных конвенций) признания факта его существования. Под „отрицанием” имеется в виду и так называемая „коммерциализация” авторского права, в силу которой личные неимущественные авторские права, условно говоря, „поглощаются” имущественными.

Личные неимущественные авторские права, как и само авторское право, веками рассматривались через призму права собственности. Неимущественный элемент долгое время намеренно игнорировался. В наше время многострадальная идея личных неимущественных авторских прав постепенно выходит на новый уровень правопонимания. Эти права все увереннее признаются естественными правами человека. Представляется, что особенности национальных юрисдикций и территориальные ограничения авторского права не должны серьезно препятствовать подобному признанию.

Во-первых, моральные права возникают объективно. Закон конкретизирует лишь определенные нюансы их осуществления, при этом решаются и политические задачи (внутренние и внешние).

Во-вторых, учитывая набирающий динамику процесс „глобализации” международной охраны авторских прав, можно с полным основанием утверждать: географические границы постепенно исчезают, превращаются в некую условность, дань вековой традиции. А какие вообще могут быть территориальные границы для прав человека?

В-третьих, „пространственные ориентиры”, пока еще не исчезнувшие из авторско-правовых норм, на самом деле, представляют собой стремление законодателя защитить „своего” автора, установить „зеркальные” барьеры иностранным творцам, стимулируя, тем самым, иностранного законодателя к сотрудничеству в рамках международного – всеобщего и равного – правопорядка (национального режима, режима наибольшего благоприятствования и т.д.). Таким образом, территориальность, не столько признак, сколько стремление установить полноценный, адекватный, стимулирующий режим авторско-правовой охраны.

Заметим, подмеченное стремление не есть некая застывшая, раз и навсегда наличествующая „данность” – она, повторим, „стирается” по мере развития международного сотрудничества. Объективно существую-

²² См. об этом: Zemer L. *Moral Rights: Limited Edition* // Boston University Law Review. Vol. 91. № 4. July. 2011. P. 1519–1969.

щие личные неимущественные права автора – предпосылка отмеченных устремлений национального законодателя. Следствие не должно использоваться для опровержения предпосылки.

Признание личных неимущественных авторских прав естественными правами человека выводит также на следующие перспективные рубежи. Исходя из естественно-правовой природы личных неимущественных авторских прав, должно формулироваться содержание и уточняться применение норм закона (ст. 18 Конституции РФ), значит, интерес автора должен признаваться приоритетным в сравнении с интересом правообладателя. „Коммерциализация” личных неимущественных авторских прав становится, таким образом, невозможной в принципе, обнажается „англо-саксонский меркантилизм” юридических фикций и правоприменительной практики, сориентированных на „оборот” личных неимущественных авторских прав в интересах свободного рынка.

FREEDOM OF CREATIVITY'S LEGAL BORDERS

Summary

The author based on the fundamental ideas freedom of opinion and expression, prohibition of censorship, etc. analyses the natural and legal content of the principle of artistic freedom in copyright law and the limits of this freedom. The author builds a position to address specific theoretical and applied problems, compares the mechanisms of protection of moral rights in terms of public and civil law.

BIBLIOGRAFIA

- Бабун Р., *Общее учение о праве и государстве*, Киев 1925
Барак А., *Судейское усмотрение*, Москва 1999
Братусь С. Н., *Субъекты гражданского права*, Москва 1950
Васьковский Е. В., Рец. на: Чернощев Н. *Очерки промышленной собственности: Право промышленной клиентелы.* – СПб., 1894, „Журнал Министерства Юстиции” 1894–1895, Кн. 8, июль
Васьковский Е. В., Рец. на: *Пилленко А. А. О новом проекте статей об авторском праве.* – *Право.* 1899, № 17
Васьковский Е. В., *Авторское право*, „Одесские новости” 1899, № 4699
Васьковский Е. В., *Юридическое положение соавторов*, „Судебное обозрение” 1904, № 4
Васьковский Е. В., *Юридическое положение соавторов*, [w:] „Судебное обозрение” 1904, № 4

- Дозорцев В. А., *Новая эра в охране исключительных прав. Система права и система законодательства*, [w:] В. А. Дозорцев, *Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации*, Москва 2003
- Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2-х т. Т. 1*, Москва 2000
- Кант И. К., *Вечному миру*, Калининград 2005
- Лукашук И. И., *Международное право. Общая часть: учеб. для студентов юр. факультетов и вузов*, Москва 2005
- Маковский А. Л., *Исключительные права и концепция части четвертой Гражданского кодекса*, [w:] *О кодификации гражданского права (1922–2006)*, Москва 2010
- Маковский А. Л., „Американская история”, [w:] *О кодификации гражданского права (1922–2006)*, Москва 2010
- Матусов Н. И., *К делению права на объективное и субъективное*, „Правоведение” 1971, № 2
- Павлова Е. А., *Кодификация законодательства об интеллектуальной собственности*, [w:] *Кодификация российского частного права 2015*, под ред. П. В. Крашенинникова, Москва 2015
- Подборка решений Комитета по правам человека в соответствии с факультативным протоколом. Международный Парк о гражданских и политических правах: Т. 8 (CCPR/C/OP/8), Сессия 75–84, ООН, Нью-Йорк; Женева, 2007; Т. 9 (CCPR/C/OP/9) Сессия 85–91, ООН, Нью-Йорк; Женева, 2008*
- Покровский И. А., *Абстрактный и конкретный человек перед лицом гражданского права*, „Вестник гражданского права” 1913, № 4
- Де Сальвиа М., *Европейская конвенция по правам человека*, Санкт-Петербург
- Талалаев А. Н., *Общепризнанные принципы и нормы международного права*, „Вестник Московского университета” 1997, Сер. 11, Право, № 3
- Чернощев Н., *Очерки промышленной собственности: Право промышленной клиентелы*, Санкт-Петербург 1894
- Энциклопедия эпистемологии и философии науки*, Москва 2009, http://www.enc-dic.com/enc_epist/Tvorchestvo-710.html
- De Zayas A., J. Th. Möller, *The United Nations Human Rights Committee Case Law 1977–2008: A Handbook*, Kehl am Rhein 2009
- Zemer L., *Moral Rights: Limited Edition*, „Boston University Law Review” 2011, Vol. 91, № 4, July

KEYWORDS

copyright, natural law, legal limits, freedom of creativity, freedom, moral rights

SŁOWA KLUCZOWE

prawo autorskie, prawo natury, granice prawne, swoboda twórczości, wolność wypowiedzania się, prawa moralne